

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА

Ж. Фонтанель

профессор-эмеритус экономики Университета Пьера Мендеса-Франса (Гренобль)

В. Г. Шубаева

докт. экон. наук, декан факультета экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного экономического факультета

Н. В. Бурова

докт. экон. наук, профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ВЛИЯНИЕ ВЛАСТИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ И ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Введение

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), вступившее в силу в 1948 г., имело целью либерализацию торговли. Его основным достижением стала выработка условия о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, которое означало, что всякое торговое соглашение между двумя странами, подписавшими ГАТТ, немедленно распространяется на других участников генерального соглашения, допуская, однако, некоторые исключения. На этом основании отсутствие дискриминации в обменах, снижение таможенных тарифов, упразднение количественных ограничений в международной торговле, равенство национальных производителей и импортеров, отказ от любых форм демпинга, строгий регламент дотаций (subsidy wars), запрет бартера или соблюдение интеллектуальной собственности в промышленности были действующими принципами, закрепляющими переход от либерализма к многосторонним отношениям (Barre, Fontanel, 1991).

Наряду с ГАТТ имела место Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), среди участников которой присутствовали не только входящие в СЭВ страны с плановой экономикой, осуждавшие эксплуатацию трудящихся капиталистами, но также некоторое количество неприсоединившихся стран третьего мира. Последние полагали, что международная торговля ведется несправедливо и специфическая временная защита необходима для развивающихся стран. Конференция определила общие принципы нового международного экономического порядка (НМЭП), предполагающего политическую независимость государств, использование природных ресурсов для развития стран-производителей, международную техническую и финансовую помощь с целью ускорить индустриализацию в бедных странах и ограничительное применение правил, установленных ГАТТ, для менее развитых стран. Международная торговля была объявлена одним из условий экономического развития (Klein, 1993).

В 1995 г., после падения плановых экономик, была создана Всемирная торговая организация, закрепившая победу свободной торговли. ВТО не обладает наднациональными полномочиями, эта организация функционирует на основе консенсуса между странами-участницами и по правилу «одна страна = один

голос», которое де-факто предоставляет каждой стране право вето. Отступления от правил либерализма, однако, существуют и проявляются следующим образом:

- региональные и таможенные союзы пользуются льготными режимами. Они принимаются в целях содействия универсальности торговых льгот за счет расширения преимуществ, отложенных во времени для всех членов ВТО;

- сельскохозяйственные продукты проходят специальную процедуру защиты с учетом их специфики с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности. Тем не менее сопротивление развитых стран открытию их рынков и сокращению субсидий привело к серьезным конфликтам между Югом и Севером, кульминацией которых стала «война хлопка» (Fontanel, Touatam, 2004). Развивающиеся страны могут обращаться в Орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, но правовые нормы уступают место политическим компромиссам, которых в ВТО хотели избежать;

- учитывая особый характер национальной безопасности, оборонная промышленность исключается из правил ВТО. Кроме того, вслед за концептом безопасности высокотехнологичная продукция двойного назначения (гражданского и военного) исключается из либеральных рыночных правил для защиты интересов наиболее развитых государств (Fontanel, 1995);

- всеобщая система преференций (GSP) требует создания воспитательного протекционизма в интересах наименее развитых стран. Эта норма противоречит понятию свободной торговли в качестве универсального фактора экономического развития и приводит к повторяющимся конфликтам, которые рассматриваются ОРС.

Сегодня эффективность правил и деятельности ВТО оспаривается, особенно в том, что касается способности содействовать экономическому развитию в наиболее бедных странах. Конфликт интересов все еще не исчерпан, и торговые переговоры, проводимые в рамках компетентности ВТО, не удовлетворяют в полной мере развивающиеся страны. Решения, предлагаемые для борьбы с пробуксовкой действий, не всегда являются убедительными в рамках свободной торговли, которая дает преимущества наиболее сильным и лучше организованным странам. Во-первых, ВТО — по существу, менеджер международной торговли; во-вторых, ее можно рассматривать как организацию «политическую», где доминируют интересы развитых стран или стран с высокими темпами экономического роста; и, наконец, ВТО не выполняет своей функции в отношении экономического развития беднейших стран, учитывая неравенство, растущее в мировой экономике.

ВТО — менеджер международной торговли

Всемирная торговая организация была призвана обеспечить правовую базу торговых переговоров, следить за соблюдением установленных норм многосторонней торговли, а также правил, касающихся условий производства. Марракешские соглашения повлияли на национальные нормативные акты, определяющие механизмы регулирования, в частности, в области услуг, субсидий, государственных закупок, интеллектуальной собственности, обеспечения условий конкуренции, соблюдения санитарных норм. Речь идет об открытии внутренних рынков для международной конкуренции, для того, чтобы сделать их конкурентоспособными. Переговоры ориентированы на определение общих стандартов в рамках международного права, которое в большей степени основывается на верховенстве невмешательства. Легитимность национальной экономической политики в таком случае оспаривается. Государства должны оправдать все свои решения, которые могут нанести ущерб норме международной торговли, что ограничивает сферу их действий в области социальной и фискальной политики, защиты окружающей

среды или интеллектуальной собственности в области технологий. ОРС позволяет ВТО вводить санкции против стран, которые не соблюдают правила взаимности или условия о предоставлении режима наибольшего благоприятствования. Юридические решения подлежат немедленному исполнению, что предотвращает любой предварительный политический компромисс.

В рамках открытой конкуренции на рынках товаров и услуг функции ЮНКТАД и ВТО призваны дополнять друг друга и координировать деятельность в тесном сотрудничестве с институтами, созданными по решению Бреттон-Вудской конференции (1944). Программа развития, принятая в Дохе в ноябре 2001 г. и завершившаяся в 2006 г., имела своей главной целью интеграцию развивающихся стран в открытую систему многосторонней торговли, необходимую для их экономического развития. Задачей было исправить дисбаланс отношений Север — Юг и определить Цели развития тысячелетия (ЦРТ). В соответствии с программой многосторонняя торговая система служила экономическому развитию и борьбе с бедностью. Речь шла о восстановлении режима «Торговля и развитие» ВТО, о пересмотре слишком благоприятных для развитых стран положений особого и дифференцированного режима (ОДР) и о том, чтобы изменить тенденцию с предоставления помощи на государственное развитие.

Неудача в Канкуне (2003) показала, что разрыв между Севером и Югом все еще существует, что и подтвердила конференция в Сан-Паулу. В конце 2005 г. в Гонконге переговоры были сведены к двум проблемам: доступ к рынкам и снятие нетарифных барьеров. Это позволило 90 беднейшим странам ВТО получить преференциальный доступ на рынки промышленно развитых стран. (*Les mesures en faveur des PED-PMA ne sont pas contraignantes, les pays développés étant simplement appelés à faire de leur mieux (best endeavour clauses).*) Об экономическом развитии в переговорах речь не шла. В наши дни существование ЮНКТАД (192 страны-участницы в 2014 г.), которая призвана гармонизировать отношения в области торговли, предоставляя основу для обсуждения их воздействия на экономический рост, может рассматриваться как свидетельство того, что ВТО недостаточно прислушивается к потребностям развития. ЮНКТАД предоставляет слово неправительственным организациям (НПО) (Bensahel-Perrin, Fontanel, Corvaisier-Drouart, 2009), и именно они предлагают решения и вносят интересные предложения (справедливая торговля, доступность информации о действиях правительств или международных компаний, оказание технической помощи в ведении некоторых переговоров), которые не всегда соответствуют либеральной идеологии ВТО. Протесты НПО все чаще освещаются в прессе, но уязвимость и зависимость этих организаций по сравнению с ООН делают их достижения менее существенными. Форумы ЮНКТАД всегда демонстрируют благие намерения, они перекрываются регулярно повторяющимися финансовыми и экономическими кризисами и ограниченными средствами действия. Между 2002 и 2014 гг. мировая экономика пережила несколько скрытых и явных экономических и экологических кризисов, которые внесли изменения в повестку дня международного экономического сотрудничества по финансовым вопросам и управлению государственным дефицитом. Каждое государство стремится прежде всего минимизировать последствия кризиса с целью собственного развития, обеспечить свою безопасность (Fontanel, 2010), в связи с чем ищет политическую поддержку в рамках международных организаций. Для развитых стран ВТО — это прежде всего организация для открытия новых рынков.

После более чем десяти лет бесконечных дискуссий 7 декабря 2013 г. на Бали был подписан пакет соглашений в «минималистском» формате (только 10% из поставленных целей) для того, чтобы разорвать порочный круг полного блокирования решения. Соглашения предполагают упрощение таможенных процедур, создание запасов основных продовольственных товаров (для 33 стран на максимальный

срок до четырех лет), а также освобождение от уплаты таможенных пошлин на некоторые товары из наименее развитых стран (НРС). Результаты соглашений на Бали делают очевидным провал международных переговоров, амбициозные цели которых были сформулированы в Дохе. Правило консенсуса, которое дает каждому государству право вето, было осуждено. Было предложено ввести форму взвешенного подхода в процесс принятия решений и внести глубокие изменения в принципы ведения переговоров (Abbas, Deblock, 2015). Тем не менее организационные причины, вероятно, не единственные, о которых следует упомянуть. Во-первых, особый и дифференцированный режим потерял свою актуальность, так как привлекательность факторов производства и конкурентного позиционирования в глобальных цепочках создания стоимости сегодня играет ключевую роль в обменах. Во-вторых, рост экспорта на основе принципа взаимных уступок — фактор недостаточный, чтобы обеспечить экономическое развитие всех стран. Наконец, изменения специализации и перенос центра тяжести мировой экономики в Азиатско-Тихоокеанский регион оказывают влияние на программу развития, выработанную в Дохе.

Переговоры, начатые в 2001 г., существенно недооценили содержание понятия развития, включенного в программу, в частности, потому, что отправной точкой стало неправильное представление о том, что рост свободной торговли дает одинаковые результаты во всех странах и что балансом сил между государствами можно пренебречь в новом контексте взаимных интересов. Взаимосвязь между процессом глобализации и широким экономическим развитием не может рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, учитывая различный «вес» участников международного экономического соревнования, принимающих экономические и политические решения.

Сегодня сама идея «догоняющего» экономического развития оспаривается концепцией устойчивого развития. Экономическое развитие по-американски, потребляющее слишком много сырья и слишком загрязняющее окружающую среду, не может быть целью для других национальных экономик, учитывая негативные последствия для климата, проблемы социального неравенства и быстрый рост дефицита ресурсов.

Кроме того, компании живут в ритме цепочек создания стоимости, что предполагает постепенное формирование потребности сокращения нетарифных мер и выработку новых норм в области услуг, инвестиций и конкуренции. Фрагментация производства способствовала развитию международных производственных и торговых сетей, которые изменяют динамику национальных сравнительных преимуществ. Страны часто специализируются на производственных сегментах, а не только на экспорте готовой продукции, они стремятся улучшить свои способности, чтобы вписаться в цепи создания стоимостей. Разрушение привычных связей и экономическая безопасность, связанная с появлением новых ограниченных ресурсов, предполагают новое понимание сложной взаимосвязи между глобализацией, международной торговлей и экономическим развитием, которое приводит к снижению «затрат на человека». Государства — члены ВТО все менее мотивированы относительно того, чтобы поставить в повестку дня переговоров спорные вопросы, результаты обсуждения которых могут иметь эффект бумеранга для других проблем. Особенно они не хотят принимать на себя обязательства, которые заставили бы их ограничить возможности посредничества и сохранения своего суверенитета. Чтобы избежать вмешательства ОРС, требуются стратегии статус-кво, за исключением реализации двусторонних соглашений.

Многосторонняя торговая система ослаблена стратегией, ограниченной только развитием международной торговли. Столкнувшись с транснациональными корпорациями, которые порождают цепочки создания стоимости без учета политических

границ, система не имеет достаточных механизмов регулирования и контроля, чтобы оградить свободный рынок от дискриминации с учетом типа национальной экономики. Новый баланс между взаимодействием и недискриминацией, по видимому, еще предстоит найти. ВТО должна была бы вмешаться, чтобы обеспечить справедливое распределение доходов и расходов, связанных с либерализацией торговли, путем создания многосторонних клиринговых механизмов. Однако если это решение планируется рассматривать, то следовало бы получить активную поддержку со стороны стран-союзниц относительно содержания и диапазона дискриминационных мер.

Однако не следует также забывать о влиянии политических и экономических конфликтов, нельзя оставлять в стороне вопрос о лидерстве в процессе глобализации. К соревнованию между Севером и Югом добавляется также разрыв линии «Юг — Юг» в связи с неоднородностью интересов различных более или менее объединенных групп. Это приводит к негативным последствиям для НРС и других развивающихся стран с невысокими темпами экономического роста.

ВТО — «политическая» организация, где доминируют интересы развитых стран или стран с высокими темпами экономического роста

В настоящее время широкое распространение международной торговли не сократило масштабы нищеты в мире. ВТО обвиняют в том, что она слишком зависит от интересов крупных экономических держав. В то время как заработная плата в развивающихся странах невелика, некоторые развитые страны возражают против торговли с этими государствами, полагая, что есть повод считать, что там существует практика недобросовестной конкуренции. Экономическое выживание некоторых развивающихся стран основывается на природных ресурсах, которыми они располагают, при этом они не всегда являются их первоочередными потребителями.

Тем не менее ВТО стремится отстаивать принципы, сформулированные в 1995 г., в частности, через ОРС, но она вряд ли может выйти за их пределы из-за тупиковой ситуации в переговорах, основная ответственность за которую не всегда лежит на ВТО. Даже если предположить, что государства придерживаются принципов ВТО, они прежде всего соблюдают свои национальные интересы, создавая иногда такие ситуации, которые изменяют саму суть международной торговли. Кроме того, с появлением БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) явно встал вопрос лидерства. От многосторонних переговоров центр тяжести переносится на развитие двусторонних отношений, и новая коммерческая дипломатия отдает предпочтение конкретным соглашениям, субъекты которых четко определены в соответствии с национальными интересами. В 2010 г. Всемирный банк оценил потенциальную выгоду от глобального открытия рынков (Laborde, Will Mensbrugge, 2010) в 160 млрд долл., что является низким показателем, учитывая неравномерное распределение, особенно в пользу стран с высокими темпами экономического роста, участников БРИКС, Аргентины, Мексики, Таиланда, Турции и Вьетнама. В ходе переговоров на Бали были отмечены глубокие различия и неравенство в соотношении сил между участниками ОЭСР, БРИКС и НРС. Динамика цен на сырье и энергоносители, сложность нетарифных мер протекционизма, возросшая фрагментация мировой производственной цепи и расширение понятия «промышленные товары» за счет услуг значительно осложнили переговоры. Страны с высокими темпами экономического роста имеют значительные достижения в области экономического развития, но в настоящее время Бразилия, Индия, Россия и Южная Африка регулярно сталкиваются с проблемами, которые не предвещают быстрого улучшения условий жизни беднейших слоев населения. Идея, что богатство одних в долгосрочной перспективе способствует богатству других, не подтверждается фактами, растущее имущественное неравенство опровергает это предположение. Политический аспект и давление на экономические условия

международной торговли по-прежнему не принимаются в расчет экономистами, хотя в реальности именно эти факторы становятся иногда решающими.

В своем выступлении 27 января 2000 г. Билл Клинтон заявил: «Для того чтобы реализовать все возможности нашей экономики, мы должны выйти за пределы наших границ и произвести революцию, которая разрушает барьеры и создает новые связи между государствами и отдельными лицами, экономиками и культурами <...>. Мы должны быть в центре любой глобальной сети. Мы должны признать, что мы не можем строить наше будущее, не помогая другим строить их собственное» (подразумевается «по образу Нашему»).

Стратегия США основывается на «политической» организации экономической глобализации. Она имеет целью контроль составляющих глобализации для того, чтобы укрепить национальную экономику и гегемонию Соединенных Штатов. Сначала следует достичь консенсуса по вопросу о расширении международной торговли с новыми идеологическими, культурными и политическими стандартами и по вопросу открытия рынков стран Юга. Затем всякая национальная реформа должна постепенно стать обязательной для международного сообщества, как и кодексы поведения, принятые американскими экономическими субъектами (такие, как законы о борьбе с коррупцией, экономические санкции, санитарные нормы или меры по защите окружающей среды). Национальные интересы удаляются от концепции международного общественного блага в поисках глобального лидерства — декларируемого или реального. Наконец, усиление роли демократии и мира позволяет интегрировать бывших противников в процесс либерализации экономики.

Сегодня открытие торгово-экономических границ уже не всегда приемлемо для США. Правительство США, кажется, отдает предпочтение двусторонним отношениям, которые предполагают прагматичное стратегическое поведение в рамках экономической политики, что вносит коррективы в либеральный подход в его абсолютной форме. Государство активно участвует в усилиях по продвижению экспорта. Президент Обама выступил с национальной экспортной инициативой и поставил задачу удвоить экспорт из США в течение своего президентского срока. Государство обеспечивает качественную информацию для бизнеса, технико-экономическое обоснование, содействие в экспорте, финансовую помощь и даже инициирует переговоры о новых торговых соглашениях. В принципе, меркантилистский подход начинает возрождаться в США, стране, которая всегда поддерживала идеологию либерализма Джефферсона, но развивалась в трудные времена благодаря протекционизму Гамильтона. Это одна из фундаментальных причин стагнации в ВТО.

Вступление Китая в ВТО было прежде всего политическим решением, принятым в Вашингтоне. Нужно было воспользоваться новым «капитализмом с китайской спецификой», с оттенком коммунизма, чтобы провести окончательную экономическую либерализацию самой густонаселенной страны мира. Это решение ознаменовало начало раскола «развивающегося мира» на Юге на небольшую группу относительно солидарных стран с формирующимся рынком, демонстрирующих новые национальные и глобальные амбиции, и большую группу плохо организованных стран со средними темпами экономического развития и бедных стран. С этого времени управление ВТО находится под сильным влиянием коалиций, которые имели целью принимать решения вместо всех членов. В настоящее время, кроме идеологических соображений, остается актуальным противостояние Севера и Юга. Коалиционная модель принятия решений делает позиции более жесткими по отношению к проблемам участников, которые должны между собой договориться. Когда ориентация определена, твердость позиций становится препятствием для более широкого обсуждения (Gambel, 2010). Наконец, Бразилия, Россия, Индия и Китай хотят влиять на решения, они действуют как великие державы, хотя и не гегемоны, но и они стремятся к соблюдению национальных

и региональных интересов. Однако даже если в рамках ВТО эти страны договариваются со странами — членами ОЭСР в борьбе за влияние, то по многим другим вопросам, в том числе и политическим, они иногда не соглашаются друг с другом. Принципы действий этих коалиций в тревожных сценариях появления новых потенциальных глобальных экономических и финансовых кризисов и их возможных последствий, как правило, исключают интересы беднейших стран.

Современная экономика часто становилась сценой, где разворачивались межгосударственные конфликты (бойкот, эмбарго, недобросовестная конкуренция и т. д.). Стратегия стала искусством объединения всех имеющихся ресурсов политической власти для достижения поставленных целей. Согласно военной теории Клаузевица, есть два пути к победе: вооруженная борьба или контроль ресурсов, от которых зависит противник. Контроль сырья и энергоресурсов остается важным инструментом стратегии великих держав. Начиная с 1991 г. России не удается избежать этой гнетущей ситуации.

Первоначально демократизация и либерализация рынка в России, проводимые без поддержки со стороны международного сообщества, повлекли за собой быстрый упадок практически на всех сферах, экономическую дезинтеграцию, сильный рост бедности и резкое ухудшение в секторе здравоохранения. Присоединение России к ВТО потребовало 18 долгих лет переговоров, так как предъявляемые требования были гораздо выше, чем к другим странам (в частности, к Китаю). 22 августа 2012 г. Россия стала 156-м членом ВТО, исправляя тем самым ненормальную ситуацию, особенно с учетом стратегического значения российского участия в G20, Совете Безопасности и ее статуса ядерной державы. Вступление в ВТО позволяет стране пользоваться режимом наибольшего благоприятствования в обмен на большую прозрачность мер, направленных на обеспечение надлежащего функционирования международной торговли.

Если американские президенты выступали иногда сторонниками этого членства, они должны были считаться с поправкой Джексона — Вэника, принятой в 1974 г., во время холодной войны, чтобы ограничить экспорт из США в страны с коммунистическим строем. Другие страны, такие как Китай, Вьетнам и Саудовская Аравия (по оценке американской неправительственной правозащитной организации Freedom House, «не свободные»), все же не испытывали такого сопротивления со стороны конгресса. Россия остается главным противником консерваторов в конгрессе США. В 2012 г., будучи членом ВТО, Россия все равно попадает под санкции в соответствии с этой поправкой из-за своей политики в отношении Ирана и Сирии. Некоторые американские компании поставили под сомнение негативную позицию конгресса, справедливо утверждая, что они не могут воспользоваться торговыми уступками со стороны России. США вступили в существенное противоречие с нормами ВТО, отказывая России в применении условия наибольшего благоприятствования. Россия имела полное право отозвать преимущества соглашения с экономическими агентами США, поскольку аргументы, представленные правительством Соединенных Штатов, не могли применяться против нового члена ВТО. Тем не менее российские чиновники не захотели вводить дискриминационные меры против американских компаний, хотя могли сделать это на законных основаниях, в соответствии с нормами, установленными ВТО. Американские компании тяжелого машиностроения смогли обойти поправку, настаивая на том, что их немецкие, индийские или китайские конкуренты имеют в случае ее применения значительное сравнительное преимущество. В декабре 2012 г. при поддержке бизнес-сообщества Барак Обама сумел отменить поправку, но он сразу же согласился на разработку «закона Магнитского» (*Il permet de prendre des mesures de rétorsion financières et d'interdire de territoire américain aux assassins du financier russe et aux personnes coupables de violation des droits de l'homme*).

На фоне украинского конфликта санкции были применены снова, чтобы ослабить Россию экономически и политически. Последствия этой агрессивной политики усугубляются глобальным снижением цен на нефть и энергоносители (Brunat, Fontanel, 2015). В тот момент, когда Россия примеряет изрядно потрепанный наряд свободной торговли, правительство США позволяет себе отклонения от принципов свободной торговли, чтобы избежать экономического краха, обусловленного огромным правительственным долгом.

Словом, глобализация экономики принесла пользу не всем развивающимся странам, особенно это касается НРС в Африке, хотя они более открыты и сильнее интегрированы в международную торговую систему, чем страны с развитой экономикой. Различия в уровне доходов и богатства между Севером и Югом, а также между богатыми и бедными в мире растет, что подчеркивает как неспособность наших экономических институтов решить проблемы неравенства (Bourguignon, 2012), так и провал политики помощи, проводимой в целях развития, в свете борьбы за торжество рыночной экономики. Новые возможности более доступны для субъектов, которые имеют одновременно значительную материально-техническую базу, квалифицированных и творческих специалистов, могут рассчитывать на поддержку своего правительства, обладают большими запасами дефицитного сырья и ресурсов или имеют доступ к значительным финансовым средствам. Однако когда бедные страны выражают недовольство, международные институты полагаются на принцип *Volenti non fit injuria*, согласно которому нет никакой несправедливости там, где есть согласие, в том числе быть в рядах ВТО (или нет). Условие наибольшего благоприятствования нации — ловушка, которая заставляет беднейшие страны настоятельно требовать его исполнения по договору, тогда как решения их проблем являются структурными, иногда требующими мер по защите рынков или обеспечению продовольственной безопасности, которые нормы ВТО не позволяют им принимать.

В настоящее время страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) считают себя платформой для диалога и сотрудничества, что способствует укреплению мира, сближению позиций, развитию и безопасности. Они отстаивают право на сбалансированное глобальное партнерство. В частности, они предлагают новую систему международного финансового регулирования, волюнтаризм макроэкономической политики, простор для новых соглашений между ее членами в области торговли, технологий, науки и финансов и объединение международных усилий по обеспечению устойчивого развития. Эти цели не затрагивают полностью ограничения и нормы ВТО. Тем не менее из-за того, что решения, предлагаемые участниками БРИКС, являются неоднозначными, в настоящее время наблюдается потеря их влияния в международном сообществе. В Китае существующие формы распределения власти между политической и экономической сферами в конечном итоге не могут не вызвать серьезных социальных проблем. Бразилию сотрясают всплески социального неравенства и насилия (Echinard, Fontanel, Fontanel, 2013). Та открытость ко внешнему миру, которая смогла привести к созданию БРИКС, теперь находится во власти внутреннего и внешнего кризиса идентичности.

Тем временем международная система страдает от чрезмерного неравенства, которое дает имущим полномочия, позволяющие им сохранить свои привилегии.

Неэффективность ВТО в вопросах борьбы с неравенством, ограничивающим развитие мировой экономики

Создание системы всемирной торговли должно было стать определяющим фактором экономической эффективности в борьбе с нищетой и бедностью. Концепция устойчивого развития позволила принять во внимание тот факт, что улучшение условий жизни каждого не ставит под сомнение потенциал экономического

развития будущих поколений. Рыночная экономика по-прежнему базируется на личной заинтересованности, которая, по мнению последователей Адама Смита, позволяет, кроме всего прочего, другим слоям населения воспользоваться ростом богатства, производимого в рыночных отношениях. Сокращение бедности — не цель, разрешение этой проблемы является лишь косвенным следствием действий инвестора, желающего прежде всего улучшить свои собственные условия жизни. Роль борьбы с бедностью принижена, она даже считается неэффективной. Вместо этого следует позволить лицам, одержимым прибылью, реализоваться полностью в мире, где корысть социально значима. Тем не менее каждое нововведение неизбежно разрушает результаты деятельности в прошлом или в наши дни, которые оказывали отрицательное воздействие на жизненный уровень людей, зависящих от недостаточно прибыльных старых структур.

По мнению Джозефа Стиглица (Stiglitz, 2002), так называемая теория о том, что бедные сами несут ответственность за свое положение, ошибочна, она не позволяет удовлетворить потребность в справедливости, которую государство обязано обеспечить своим гражданам. Богатство, произведенное в богатых странах и в странах с быстрыми темпами экономического роста, постоянно увеличивалось по сравнению с богатством «наименее развитых стран»; кроме того, крайняя бедность, которая охватывает как северное полушарие, так и южное полушарие, в настоящее время поражает одну пятую часть населения мира. Бесконечное удовлетворение интересов руководителей корпораций или государства, ориентированных на получение краткосрочной прибыли, влечет за собой чрезмерное загрязнение окружающей среды, нанося необратимый ущерб окружающей среде, не говоря уже об изменении климата в целом.

Напротив, для Джона Ролза (Rawls, 1997) недостаточное развитие является результатом деятельности неадекватных институтов, основанных на конкретных религиозных и философских традициях, следствием политической культуры угнетения и коррупции элит. Экономическое неравенство есть лишь результат исторического выбора, сделанного свободно каждым народом. В этом контексте развитым странам предлагается (но не обязательно) просто соблюдать «долг оказания помощи», основываясь на соображениях морали. Эта «минималистская» концепция, очевидно, игнорирует в противоположность материализму историю народов, в том числе рабство, колониализм, геноцид или просто выражение отдельно взятой культуры.

Уважение к власти часто путают с финансовой и интеллектуальной способностью воздействовать на мир. Безграничная вера в способности решить социальные проблемы при помощи технологий является препятствием для достижения необходимой солидарности. Насилие может случиться в мире, который принимает постоянное соотношение сил и слишком мало заботится о развитии собственных (Fontanel, Coulomb, Bensahel, 2014).

Сегодня многие аналитики ставят под сомнение ценность помощи в целях развития, основываясь на аргументах зависимости (Easterly, 2006). Тем не менее принцип Trade, not aid не благоприятен для бедных стран, многие развитые страны стали сомневаться. Кроме того, дифференциация экономических траекторий на Юге влечет пересмотр типологии стран — членов ВТО в соответствии с конкретными торговыми проблемами каждой страны. Тогда следовало бы создать защитные механизмы в соответствии с конкретными ситуациями в каждой стране, переориентировать торговую систему в «клуб соглашений» (ВТО становится своего рода «клубом клубов») или установить целевые показатели, связывая их с финансовой компенсацией или технической поддержкой (Rodrik, 2007). Эти действия способны подчеркнуть производительные и распределительные конфликты, лежащие в основе глобальных экономических правил, разработанных в рамках ВТО. Международная торговля иногда выступает за деиндустриализацию многих странах из-за международной конкуренции.

В 2014 г. на основе Global Policy Model ЮНКТАД опробовала два сценария, один — консервативный с точки зрения современного функционирования мировой экономики (*business-as-usual policies*), другой — предлагающий, в частности, поддержку совокупного спроса, адаптированную промышленную политику и регулирование деятельности финансовых институтов. Первый сценарий представляет мировую экономику, все более и более чувствительную к финансовой нестабильности, с возможными серьезными экономическими последствиями. Второй сценарий показывает значительные увеличения темпов роста и постепенного преодоления финансового дисбаланса и проблем торговых балансов (CNUCED, 2014), подрывая тем самым кредо ВТО.

ВТО относительно эффективно управляет финансовыми ресурсами, но она не может ответить на неравномерный рост богатства и власти в рамках внешнеэкономической деятельности. Новые стандарты должны сделать нормой плюрализм многосторонних отношений. Реформа ВТО необходима для того, чтобы установить сбалансированные торговые соглашения, принимая во внимание общественный интерес и достижение Целей развития тысячелетия, борьбу с изменением климата и сохранение разнообразия биологических видов. Экономическая взаимозависимость стран и регионов имеет большое значение для выбранного направления развития. Демократические правительства должны способствовать появлению «добродетельных кругов» развития, которые жесткая конкуренция между неравными субъектами часто делает иллюзорными.

Было предложено несколько конкретных решений. Первое — возвращение к логике рыночного регулирования взамен экспансионистской логики. В этом случае следовало бы убедиться в твердой приверженности членов ВТО регулируемой форме либерализации торговли и глобализации, транснационализации управления и коллективной приверженности идеям либерализма во всем мире (Pauwelyn, 2008). Часто обсуждалась идея многостороннего регионализма, но проекты не были завершены. Разработка нового соглашения о финансовой стабильности и обменном курсе является приоритетом в настоящее время; решение, которое, вероятно, трудно принять, учитывая позицию США по этому вопросу. Определение нового соглашения типа Бреттон-Вудского кажется приоритетным, так как следовало бы сначала защитить международные валютно-финансовые потоки, получить по результатам переговоров доступ к энергетическим ресурсам и сырью, которые еще доступны, принять меры для защиты биоразнообразия и поддержки устойчивого развития на основе социальных и гуманистических ценностей.

После 20 лет существования ВТО вызывает сомнения, позитивность влияния международной торговли на все национальные экономики. В этом контексте ЮНКТАД больше не считает либеральные ценности единственными правилами международной торговли. Рыночная экономика в своем врожденном и основополагающем эгоизме кажется по меньшей мере небрежной в вопросах экологии, охраны окружающей среды, здоровья, безопасности, а также в целом в отношении развития человечества. Например, страна может иметь сильный экономический рост, выгоды от которого достаются наименьшему количеству граждан, или получение такого результата предполагает некоторые формы рабства или гуманитарные ограничения, которые едва ли способствуют социальному и экономическому благополучию в национальном масштабе. Всеобщая конкуренция создает во всех слоях населения значительное напряжение, которого могут избежать только те, кто располагает приличными доходами.

Гуманистический подход предполагает, что в основе экономической деятельности лежит обеспечение благосостояния населения (Fontanel, Corvaisier-Drouart, 2014). Этот подход разделяется не всеми авторитетными мыслителями и лицами, принимающими решения, которые формируют устройство мира. Под прикрытием либеральных лозунгов меркантильные поступки совершаются чаще, чем

это кажется. Деятельность ВТО нередко является лишь результатом властных отношений в пользу стран, которые ее создали. Если и существуют отдельные факты устранения неравенства, то каждый экономист хорошо знает, что подходы к обеспечению развития на современном этапе должны быть в корне изменены, если мы хотим содействовать его устойчивой направленности на сокращение неравенства, принимая во внимание эволюцию реальных потребностей людей.

Источники

Abbas M., Deblock C. L'Organisation Mondiale du Commerce et le programme de Doha pour le développement. Un multilatéralisme en mal de renouvellement / Annuaire Français des Relations Internationales. Paris, 2015.

Barre R., Fontanel J. Principes de politique économique. Collection ECO+. Presses Universitaires de Grenoble, 1991.

Bensahel-Perrin L., Fontanel J., Corvaisier-Drouart B. Les organisations non gouvernementales, ou l'homme au cœur d'une mondialisation solidaire, L'Harmattan. Paris, 2009.

Bourguignon F. La mondialisation de l'inégalité, Co-édition Seuil. République des Idées. Paris, 2012.

Brunat E., Fontanel J. L'économie de la Russie, les grands défis à relever, Annuaire Français des Relations Internationales. Paris, 2015.

CNUCED. Trade and development report, 2014, United Nations. N. Y.; Geneva, 2014.

Easterly W. Les pays pauvres sont-ils condamnés à le rester, Editions d'organisation. Paris, 2006.

Echinard Y., Fontanel J., Fontanel M. BRICS, un concept d'origine statistique devenu l'expression d'un puissant groupe de pression dans les relations internationales d'aujourd'hui. Annuaire Français des Relations internationales, 2013.

Fontanel J. Economie politique de la sécurité internationale. Paris, 2010.

Fontanel J. Les dépenses militaires et le désarmement. Paris, 1995.

Fontanel J. The Economics of Disarmament // Handbook of Defense Economics. Vol. 1. Amsterdam, 1995.

Fontanel J., Brunat E., Fontanel J. La stratégie internationale et la réforme militaire de la Russie. Texte présenté au 6e Festival de Géopolitique, Ecole de Management de Grenoble, le 5 avril 2014, à paraître.

Fontanel J., Corvaisier-Drouart B. For a general concept of economic and human security // *Bellais R.* The evolving boundaries of defence: an assessment of recent shifts in defence activities. Emerald; Bingley, 2014.

Fontanel J., Coulomb F., Bensahel L. Economists' Controversies About the Causality Between War and Economic Cycles, Frontiers of Peace Economics and Peace Science / Ed. M. Chatterji, Chen Bo, R. Missra. Contributions to Conflict Management, peace economics and développement. Vol. 16. Emerald, Bingley, 2014.

Fontanel J., Touatam A. Cancun et l'Afrique. Géoéconomie africaine, 2004.

Gambel A. The Politics of Deadlocks // Deadlocks in Multilateral Negotiations: Causes and Solutions / Ed. by A. Narlikar. Cambridge, 2010. P. 25–46.

Klein L. R. Développement et désarmement. La signification // *Fontanel J.* (sous la direction de). Economistes de la paix. Grenoble, 1993.

Laborde D., Will M., Mensbrugghe D. van der. Measuring the Benefits of Global Liberalization with a Consistent Tariff Aggregator. IFRI/World Bank, 2010.

Lawrence R. Z. Rulemaking amidst Growing Diversity: A Club-of-Clubs Approach to WTO Reform and New Issue Selection // Journal of International Economic Law. 2006. Vol. 9. N 4. P. 823–835.

Les mesures en faveur des PED-PMA ne sont pas contraignantes, les pays développés étant simplement appelés à faire de leur mieux (best endeavour clauses).

Low P. WTO Decision-Making for the Future // Draft for Conference «Thinking Ahead on International Trade: Challenges for the World Trade System». September 2009, WTO, Genève, 2009.

Pauwelyn J. New Trade Politics for the 21st Century // Journal of International Economic Law. 2008. Vol. 11. N 3. P. 559–573.

Picketty T. Le capital au XXIe siècle, Editions Le Seuil. Paris, 2013.

Rawls J. A Theory of Justice. Harvard University Press, 1997.

Rodrik D. One Economics, Many Recipes. Princeton, 2007. P. 205–215.

Ruggie J. G. (dir.) Embedding Global Markets. An Enduring Challenge. Farnham, Ashgate, 2008.

Smith R., Fontanel J. Les conséquences économiques de la paix // *Fontanel J.* (sous la direction de). Economistes de la paix. Grenoble, 1993.

Stiglitz J. La grande désillusion. Paris, 2002.